

Катерина Мурашова

Взгляд

Екатерина Мурашова

Взгляд

«Автор»

Мурашова Е. В.

Взгляд / Е. В. Мурашова — «Автор»,

Это – история Любви, в которой был всего один взгляд. Акварельный очерк о несбывшемся. Одновременно это история семидесятилетней жизни женщины-королевы. От ее детства до смерти. И немножко дальше...

© Мурашова Е. В.

© Автор

Содержание

Екатерина Мурашова	5
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Екатерина Мурашова

Взгляд

В сиреневых покоях пахло тленом, огурцами и диким чесноком. Придворные и челядь, согласно рангам, толпились под дверями, в галерее и на лестнице. Кто-то плакал, кто-то спешно улаживал свои дела, кто-то, привалясь к стене, ковырял в носу.

В сиреневых покоях умирала старая королева. Узкие высокие ставни были распахнуты, и из окон через все покои наискосок летели белые парашютики одуванчиков. Одуванчики росли во всех щелях и на всех карнизах древнего замка. Так было много лет, и весной потемневший от времени замок напоминал старую беззубую каргу, нарядившуюся в веселенький желтый чепчик с бахромой. Говорят, когда-то королева своими руками закапывала зрелые головки одуванчиков в скопившийся между камнями сор. Уже много лет в этом нет нужды. Одуванчики – живучи, и достаточно просто запретить их выпалывать. Белые пушинки летят по сквозняку нескончаемым потоком, серыми комочками скапливаются в углах, под высокой кроватью. Никто не закрывает окон, потому что иначе в покоях некуда будет деться от удушливого, невыносимого запаха разложения живой плоти. Беленые льняные простыни и пеленки сохнут на пеньковых веревках на заднем дворе. Их очень много. Скоро станет меньше. Болезнь королевы подходит к концу.

Летят одуванчики и прилипают к мокрым простыням. Как будто простыни покрылись мурашками от пронзительного весеннего ветра. У ворот замка девушки продают охапки сирени. В их русых и каштановых волосах запутались белые пушинки – одуванчики. Прихоть старой королевы. Ее единственная прихоть.

Старая королева Альбина правила страной 53 года. Она взошла на престол 18-летней, после смерти своего бездетного дяди. Ее замужество с высокородным, но туповатым принцем-рыцарем Альбертом длилось пять лет. До его смерти ей удалось родить наследника и еще двух детей, из которых один умер подростком в год желтой проказы. Младшая дочь королевы появилась на свет пятнадцать лет спустя. О ее отце никто ничего не знал.

Сейчас все они стояли вокруг постели государыни – трое выживших детей и семеро внуков. Младший внук и трое правнуков играли в солдатики в соседней комнате. Еще один спал на руках зевающей от усталости и нервного напряжения кормилицы. Невестки и зятя сидели на лавках вдоль стен и прижимали к носам надушенные платки.

Старший сын королевы, наследник престола, таращил выпуклые, водянистые глаза и часто вытирал ладонью обширные залысины. Ему было тяжело стоять, потому что отекали лодыжки. Ему было тревожно и неудобно. Тело, лежащее на постели, никак не связывалось в его уме с Государыней, Ее Величеством, – женщиной, перед которой он всю жизнь трепетал. Когда-то, будучи молодым, он ее ненавидел. Тогда его голову украшали мягкие светло-русые кудри, и сил хватало на ненависть к правящей королеве (он не помнил, чтобы когда-нибудь, даже в мыслях, называл ее матерью) и мечты о короне. Все это минуло много лет назад. Теперь он был почти лыс, дважды вдов, страдал одышкой и простатитом. При мысли о короне и государственных делах у него начинало щекотать в носу и подмышками, как будто туда заползли муравьи. Хотелось раздеться догола, вытряхнуть муравьев и самому забиться в какую-нибудь щель. Зачем ему все это?

Средний сын королевы нетерпеливо переминался с ноги на ногу, и размышлял о том, удастся ли отравить старшего брата так, чтобы никто в замке ничего не заподозрил. Его совершенно не смущал отвратительный запах и необходимость стоять. Он был хищен и силен. От обуревавших его страстей он шумно и глубоко дышал, и выковыривал залетевшие в нос одуванчаные пушинки сильным, темным и кривым пальцем. Для него было очевидно, что страну,

за полвека выстроенную и выпестованную королевой Альбиной, должен наследовать он и его дети. Все остальное – несущественные детали. Почему-то он всегда думал, что похож на мать. Помнившие принца Альберта придворные и сама королева знали, на кого он похож. Но молчали.

Младшая дочь королевы молилась. Она всегда была не набожной, а скорее, суеверной, но сейчас, когда все средства испробованы, мудрые дворцовые лекари разбежались по углам и сидят тихо, как мыши под веником... «Господи, сделай так, чтобы мама не умерла! – молилась дочь королевы, тучная тридцатипятилетняя женщина с красивыми, как у молодой коровы, глазами. – Не умирай, мама! Не оставляй нас! Мне страшно!» Для нее мать всегда была мудрой и снисходительной. Знающей выход из любых ситуаций. И матерью, и отцом одновременно. – «Мама, не умирай!!!»

Пятеро внуков с внутренним содроганием смотрели на бабушкину агонию и вспоминали пять разных королей. Шестой – рыхлый и толстый – украдкой откусывал от спрятанного за пазухой пирога. Седьмой внук размышлял о грудях отцовской служанки.

– Смотрите! – прошептала дочь. – Кажется, она хочет что-то сказать!... Просит подойти поближе...

Все сгрудились у постели, стараясь не дышать. Взгляд старой королевы внезапно прояснился и стал отчетливо вопросительным. Все, задыхаясь, искали слова.

– Государыня, Ваше Величество, вот мы все... здесь... – проблеял наследник.

– Ваше Величество, не тревожьтесь! – весомо уронил второй сын. – Государство процветать будет. Казну умножим и земли исконные отвоюем.

– Мама, Вы поправитесь скоро! Обязательно! – всхлипнула дочь.

Блуждающий взгляд умирающей старухи остановился на одном из внуков, старшем сыне дочери. Шестнадцатилетний книголюб, тонкий и гибкий, как лесной ручей, с голубыми прожилками вен на висках и высоком лбу. Ручей, в котором есть омуты, и который питают неведомые, скрытые в чаще ключи. Куда бежит ручей? Неведомо никому. Тонкие бабкины губы и бабкина же упрямая складочка между бровями. Длинные пальцы теребят желтую головку сорванного за окном одуванчика.

Все знали, что старая королева выделяла его из всех. Он был неизменно холоден и почтителен. А сейчас? Может ли он заплакать? Или из его темно-серых глаз посыплются прозрачные льдинки?

– Я все сделала, как ты велел. Правильно? – отчетливо выговорила Альбина, глядя прямо на любимого внука.

Невысказанное удивление полыхнуло в темно-серых глазах.

– С Богом матушка разговаривает! У престола Его! – разрыдалась дочь.

Все присутствующие как бы немного расслабились, словно перешли какой-то рубеж. Заоглядывались друг на друга и на супругов, наследник исподтишка отвесил подзатыльник сыну, кусающему пирог.

Меж тем юноша-ручей опустил на колени, заглянул в высохшее, похожее на опавший лист лицо, серьезно сказал:

– Все правильно. Так. Но кто я?

Лицо королевы Альбины словно осветилось изнутри. Юноша, прочитавший слишком много книг, чтобы верить хоть в каких-нибудь богов или чертей, невольно отшатнулся назад и подумал:

– А вдруг?!

И сразу же понял, что всю жизнь проживет с этой тайной: что же (или кого?) увидела перед смертью старая королева Альбина, его бабка, на которую он так похож? Неужели действительно узрела Божественный Престол?!

Но может быть, она разговаривала с дедом, отцом матери? Любопытство свойственно юности, но румяная мать в ответ на естественные вроде бы вопросы сына пугалась до земляной грязной бледности, и даже слухов никаких не удалось сыскать. Как так может быть? Однако было. Может быть, теперь, когда... падут старые оковы страха, и ему удастся что-то узнать? Старая королева умела хранить свои тайны, и все, кто болтал о том, чего не знает, или действительно что-то знал, сгинули давным давно. Пригодился урок детства и юности самой Альбины?

Нет, с дедом не получается. Если бы в этой истории хоть что-то было, он бы знал об этом. Старая королева рассказала или хотя бы намекнула ему. Ведь он был, пожалуй, единственным, кому она рассказывала о себе. Еще когда он был совсем мальчишкой. Он оставался внешне равнодушным к ее рассказам, и лениво смотрел в окно или переставлял яшмовые шахматы на столике, инкрустированном черным нефритом и слоновой костью. С самого раннего детства он знал, что ей нравилось его показное равнодушие, его взгляд сквозь и в сторону. Она рассказывала ему и вроде бы не ему. Почему так – он не догадывался. Но он хотел слушать ее рассказы и поступал так, как хотела она. Все остальные ничего не понимали в происходящем, и обмирали от его дерзости и независимости. Он, единственный при дворе, мог прогнать грозную королеву из своих апартаментов.

– Уходи, бабушка! Я устал и хочу отдохнуть. Увидимся завтра... Нет, завтра у меня уроки фехтования и живописи... Послезавтра...

Когда он подрос, он понял правду: его независимость была цинковой обманкой, так напоминающей золото. Спокойный, холодный и внешне равнодушный ко всему, он вырос именно таким, каким она хотела его видеть. Послушным ее воле, как все при дворе. Просто в его случае заказ был иным. Почему? Она никогда даже не обмолвилась об этом. А он не решился спросить. Кто сумеет обойтись без иллюзий в шестнадцать лет? А в семьдесят?

Может быть, именно с этим связаны ее последние, загадочные слова? Тогда ключ уже в его руках, просто он не может опознать его среди рухляди минувших времен, безжалостно сваленной бабкой на дно сундука его памяти...

Он сидит на корточках, и чувствует, как тянет по полу сквозняк, пахнущий жареным луком. Прямо под его покоем – кухня, его нюх – острый, как у лисенка, он всегда знает, что будет на обед. Вечно голодный толстый кузен по несколько раз на дню приходит к нему в гости и пьет вкусные запахи. «А это вот – что? Ты знаешь? А это?» – спрашивает он. «Это рябчики в сметанном соусе, – отвечает младший, тоненький, с вечно плохим аппетитом. – А это ватрушка. С творогом и изюмом. Чувствуешь, корицей пахнуло? Может быть, пудинг...» – У старшего тупо-мечтательное выражение лица, закаченные к потолку глаза, слюни в углах толстых губ... Как близко пол, из каких больших плиток он сложен! Нет, это они с кузенком еще совсем маленькие. Кузен убежал, пригнув круглую голову, ковыляя, испуганно пригибаясь к полу. Так бегут курицы от грозного петуха. Грозный петух – это бабушка. Королева. Смотреть на нее не надо. Как много интересного в соре, который забился в щель между плитами на полу! Вот бусинка от ожерелья младшей сестры – нитка порвалась во время драки (сестра всегда начинала первой), и она так плакала... Они с кузенком ползали на коленях, пока не стемнело, но так и не сумели собрать все... А вот – иголка, которой кузен шил камзол для своего солдата-генерала. Нужно выковырять ее и отдать ему. Как же это сделать? Тонкие пальцы, испачканные соком вездесущих одуванчиков, скрипучий бабушкин голос. Она стоит как раз возле окна...

– Я всегда знала, что должна стать королевой, женой короля-воина. Так решил мой дядя-король. Когда он это решил, мне исполнилось три года, и какая судьба предназначалась мне до этого, я попросту не помню.

Я не знаю своего настоящего отца. Мою мать, младшую сестру короля, повенчали с анемичным соседним принцем, когда она уже была беременна мной. От меня, конечно, скрывали всю эту историю, но во дворце всегда много сплетен, которые можно подслушать и сопоставить между собой. Говорили, что возлюбленным матери был смуглокожий кухонный раб – сильный как вол и глупый как перепелка. Я не хотела этому верить.

Мой дядя пытался спрятать меня. От сплетен? От дворцовой жизни? От матери и ее мужа? Не знаю. Он никогда не разговаривал со мной, а при встречах смотрел куда-то поверх моей головы. Но по его указу до десяти лет я жила в замке Фьёберрен. Ты знаешь его? Нет? Когда подрастешь, обязательно посети – это прелюбопытнейшее место. Фьёберрен расположен в двух днях пути к северу от Холлеварда и стоит на высокой скале. Скала выдается в море, и стены ее не просто отвесны, а местами даже имеют отрицательный угол наклона. Почему ты смеешься? Не смейся – меня, как и тебя, учили геометрии и еще много чему... Принцессы вовсе не обязаны быть сентиментальными дурочками. Не знаю, почему сказки простолюдинов изображают их именно такими...

Мой воспитатель, Стерх, старый воин, весь покрытый шрамами, много раз рассказывал мне, с какими трудностями и потерями был построен Фьёберрен. Он говорил о том, как один за другим сорвались в пропасть и погибли семеро каменщиков, и среди строителей прошел слух, что замок проклят, и все они разбежались, а мой прадед купил на невольничьем рынке огромных чернокожих людей с разрисованной кожей и синими кольцами в плоских носах. Эти люди достроили замок, но, хотя они и не верили в наших пещерных троллей, они все равно умерли, только сначала долго кашляли и чихали, и Стерх еще помнил, как последний из них, похожий на огромную высохшую тень, с гортанным криком бросился со скалы в море в тот самый миг, когда краешек солнца показался над горизонтом. Стерх говорил мне, что черные люди поклонялись Солнцу, и этот последний из оставшихся в последний миг своей жизни просил своего бога перенести его душу вечно зеленый и теплый сад, где из золотых стен бьют жемчужные фонтаны и взрослый человек может спать, подложив под себя всего один лист и прикрывшись другим листом с диковинных деревьев.

Я любила Стерха, верила каждому его слову и живо представляла себе все, о чем он рассказывал мне. Он носил шерстяную вязанную рубашку и кожаный жилет и, кажется, никогда не снимал их. Он таскал меня на спине, качал на ноге и сажал к себе на плечи и на колени. От него всегда пахло потом, и я привыкла к этому запаху, и считала его естественным запахом мужчины, а когда попала во дворец, где от мужчин пахло духами и туалетной водой, это казалось мне ужасно противным и неприличным. Если они дотрагивались до меня (а как раз в это время меня начали обучать танцам), я с трудом сдерживала тошноту. Когда становилось совсем невмоготу, я убегала в конюшню и там нюхала седла и прочую лошадиную амуницию. Исходившая от них вонь напоминала мне о Стерхе. Сами лошади никогда не интересовали меня – я их боялась.

Я говорила тебе, что верила каждому слову Стерха, и в то же время была совершенно уверена, что замок построили горные гномы. В красных курточках, тяжелых кожаных башмаках, с бегающими жадными глазками – я словно наяву видела, как они деловито прилаживают камень на камень, обтесывают края, сооружают подъемный механизм для ворот, выдалбливают в скале тайную комнату для подземной сокровищницы...

А иногда мне казалось, что старший гном с большой белой бородой, заткнутой за пояс, взмахнул ореховой палочкой и вслед за этим содрогнулись скалы, и замок медленно и жутко, повинаясь какой-то древней земляной силе, начал сам собой расти из скалы... Сначала стены, потом низкие угловые башенки, потом высокий домен. И вот в узких окнах-бойницах, не освещающая, а только подчеркивая штормовые сумерки осеннего моря, сам по себе зажегся красноватый гномий огонь...

Не знаю, как это получалось, но я верила всему этому одновременно, и одно совершенно не мешало другому. Так, наверное, бывает только в детстве, – когда мир, как осенние туманы в горах, состоит из многих слоев, и каждый из них несет в себе целую картину. Потом человек выбирает лишь одну из них, а остальные остаются лишь в мечтах и сказках. Мне жаль, что это происходит, но иначе, наверное, нельзя было бы жить...

Я смутно помню и свою мать, и человека, который официально считался моим отцом. Трудно в это поверить, но уже тогда, будучи почти младенцем, я презирала их обоих, и именно это чувство презрения наиболее отчетливо сохранилось в моей памяти.

В покоях матери и в покоях отца всегда стоял полумрак, тяжелые пыльные шторы закрывали окна. Пахло какими-то травами, мазями, горшком и еще чем-то нечистым и нездоровым. Все говорили тихими, тусклыми, полупридушенными голосами. И еще помню, что лицо матери всегда блестело в свете немногочисленных свечей. Почему? То ли ее мучила лихорадка и это была испарина, то ли она мазалась каким-то кремом – не знаю, но это исхудавшее, масляно блестящее лицо, жидкие бесцветные волосы на огромной подушке, похожие на жирную паутину... Б-р-р! Извини, мне даже сейчас трудно об этом вспоминать. Короче – я не любила мать, и когда она, наконец, умерла, я не испытала ничего, кроме облегчения. Но все явно ждали от меня чего-то другого и я, спрятавшись за портьерой, изо всех сил терла кулаками глаза, чтобы они казались покрасневшими и опухшими от слез.

Мой «отец» пытался утешить меня. Когда его бессильная рука касалась моих волос, мне хотелось убежать или ударить его. Тогда же я впервые поняла, что мои чувства и желания не соответствуют тем, которые должны быть, и решила скрывать их. Это было совершенно сознательное решение и я хорошо помню, как я принимала его, стоя на коленях на скамеечке перед огромным зеркалом. Я как сейчас вижу физиономию, которая смотрела на меня из его бронзовой глубины. Круглые щеки, круглые блестящие глаза, нос – пуговица, жесткие волнистые волосы, с трудом уложенные в какое-то подобие прически.

– Мне сейчас грустно и противно, – сказала я своему отражению. – А как сделать, чтобы все подумали, что мне весело и хорошо?

Я улыбнулась. Сначала эта улыбка была похожа на оскал, но постепенно становилась все более милой и доброжелательной. Я немного подвигала бровями и слегка раздула ноздри. Получилось, как будто я с трудом удерживаюсь от смеха. Я засмеялась. А потом сказала:

– Спасибо. Вы так милы... – и изобразила благодарность всем своим лицом. А потом еще больше раздула ноздри, сдвинула брови и закричала:

– Все от меня уйдите! – хотя больше всего в этот миг мне хотелось, чтобы кто-нибудь пришел и пожалел меня...

И я еще долго пробовала и под самый конец изобразила, как я люблю своего «отца» и как я любила свою бедную несчастную мамочку, и вот тут, наконец, мне стало страшно, и я совершенно искренне разревалась, потому что уже совсем перестала понимать, где же я, и что же я такое...

Можешь не верить, но мне было тогда всего пять лет...

Потом я жила в замке Фьеберрен со Стерхом и старой няней и это были самые счастливые годы моей жизни. Мой «отец» вскоре последовал за матерью в Страну Теней, и я ни на минуту не пожалела о нем.

В замке (как и потом во дворце) у меня не было друзей. Мою жизнь наполняли рассказы Стерха, мечты и немудреные сказки, которые по вечерам рассказывали слуги у огромного нижнего очага.

Одна из них почему-то особенно запомнилась мне.

«Юный охотник, заплутав во время охоты, оказался ночью в лесу совсем один. У темного пруда с белыми лилиями встретил принц девушку неземной красоты, и черная птица кружила над ней. Девушка заметила его, подошла. Она молчала и смотрела ему в глаза, и ощутил юный

охотник этой ночью в высокой траве вкус ее губ, вкус ее тела. А наутро проснулся он в комнате своей, и лежала у его лица белая лилия. Принц знал, что это не могло быть сном, и искал ее повсюду изо дня в день, из месяца в месяц. Но девушка пропала, словно сквозь землю провалилась. И летало в округе лишь гадкое воронье над помоями, а черная птица исчезла бесследно. Долго искал принц девушку и однажды вечером на площади городской он увидел ее. Его любовь была привязана к столбу, а ее срамная одежда уже пылала. Народ толпой стоял, и он стоял вместе с ними, и видел, и чувствовал на своих губах куски летящего пепла.

У какого-то старика он спросил: «Как ее имя?». А тот ответил: «Да, какое у нее имя! Она же просто ведьма...» Той же ночью, не помня себя, охотник оказался в знакомом ему лесу, и висел он в петле на корявом суку, а над ним кружилась черная птица...»

– Какая глупая сказка! – сказала я, прослушав ее до конца. – Все умерли, а в чем смысл?

Но слуги покачали головами, возражая, а белобрысый мальчишка-оруженосец по имени Альвик, всего на год старше меня, произнес вслух:

– Лучше любить и погибнуть, чем жить, не зная любви.

Иногда я по несколько часов кряду стояла на открытой площадке крепостной башни и, отвернувшись от моря, смотрела в подернутую синей пеленой тумана даль порыжевших холмов, среди которых вилась мощеная камнем дорога к Холлеварду. Ветер продувал меня насквозь, а море бушевало за спиной, как будто это был зверь, который пытался вылезти на берег и захлебывался в припадке бессильной ярости оттого, что у него ничего не получается. Иногда я настолько явственно ощущала этого зверя за своей спиной, что боялась обернуться. Мне казалось, что, оглянувшись, я встречу взгляд его огромных и безжалостных бирюзовых глаз с ресницами из зарниц. И от этого взгляда я упаду замертво, как глупая и бессильная принцесса из старой сказки...

Я смотрела в холмы и не чувствовала холода. Я представляла себе, как по желтой, усыпанной осенними листьями дороге подъезжает к замку свита могучего короля чужеземной страны, и сам он, сильный, широкоплечий, обветренный и закаленный в боях, соскакивает с черного как ночь жеребца, укрытого под седлом красной попоной, и громовым голосом кричит:

– Где моя дочь?!

Все в ужасе разбегаются, а Стерх, который почти оглох на одно ухо с тех пор, как в битве его ударили булавой по голове, беспомощно оглядывается и спрашивает в пустоту:

– Кто это? Чего это?

И только я одна бесстрашно выхожу навстречу бородатому исполину и говорю негромко, но твердо:

– Я здесь, отец. Я давно жду тебя.

Трудно поверить, но я слышала звук рога и стук копыт, и голоса слуг. Видела, как блестит на алебардах осеннее солнце и ветер раздувает знамена и плюмажи на шлемах. Я понимала, что все это неправда, но злилась не на себя, а на других, за то, что они не видят всего этого...

Когда море было спокойно, в его синей дали мне мерещились полосатые паруса и крутобокие корабли неведомого народа. На палубе самого большого корабля стоял все тот же черноволосый загорелый человек и, приложив руку к глазам, выискивал меня на берегу...

Сама я постепенно росла, но мои мечты почти не менялись. Мне было жалко расставаться с ними, ведь за долгие годы я до мелочей продумала экипировку каждого всадника, каждое слово, которое должен был сказать мне отец. Иногда я радуюсь тому, что он так и не появился. Ведь кем бы он ни был, он неизбежно разрушил бы мою мечту, и я возненавидела бы его за это...

Но однажды, в тысячный раз прокручивая перед своими глазами ритуал встречи (я сидела тогда на скамеечке у камина и смотрела в огонь), я вдруг обнаружила, что отцовский

поцелуй как-то незаметно видоизменился, да и сам черноволосый воин как-то подозрительно помолодел...

Я люблю и умею размышлять о причинах явлений и, когда схлынула захлестнувшая меня волна стыда, я поняла, что уже не отец должен увезти меня из замка в новую жизнь...

У меня в спальне стояло большое бронзовое зеркало. То самое, в которое я смотрелась в детстве. Говорили, что прадед купил его у какого-то восточного купца-колдуна и подарил прабабке. Он любил наблюдать в нем неувядающую прабабкину красоту. Так пели дворцовые менестрели. Может быть, прадед и прабабка и вправду были счастливы.

Мне тоже нравилось это зеркало. Я отослала всех слуг и приперла дверь тяжелым сундуком (по указанию дяди, на двери моих покоев не было засова, а снаружи всегда дежурил вооруженный стражник). Потом я скинула с себя всю одежду и встала перед зеркалом. Я долго смотрела на себя. И еще дольше думала над тем, что увидела.

Я выросла в замке и во дворце, но вовсе не была наивной. Я знала о том, что происходит между мужчинами и женщинами, и даже пару раз подглядывала из-за портьер за слугами. Увиденное и пугало, и влекло меня.

Глядя в зеркало, я попробовала представить себе, как кто-то выходит из туманной полутьмы за моей спиной, рассматривает меня... Мне стало страшно, потому что у привидевшейся мне фигуры не было лица, только колышущиеся полутени от дрожащего пламени свечей... Я вспомнила, как слуги хватали служанок за грудь и попыталась вообразить, как чья-то ладонь касается моей груди, сжимает ее. Все это время я внимательно смотрела на себя в зеркало и внезапно обнаружила, что мое лицо покрылось пятнами, а грудь тяжело вздымается, как будто я только что взбежала на верхнюю площадку башни Фьёберрна. Все это я уже видела и оттого разозлилась.

– Я, будущая королева, ничем не отличаюсь от служанок! – сказала я себе и решила, что об этом никто не должен знать.

В замке, да и вообще в мире не было человека, с которым я могла бы поговорить о том, что со мной происходит. Старая няня умерла, а Стерх совсем оглох и к тому же остался на севере, в Фьёберрене. У меня никогда не было подруг, и все дворцовые сплетни я могла только подслушивать, спрятавшись в складках занавесей или в темном углу. Друзей у меня тоже не было, потому что дядя не подпускал ко мне никого, кто мог хоть сколько-нибудь заинтересовать меня. Меня многому научили. Я была обучена танцам и верховой езде, умела фехтовать на мечах и рапирах, неплохо разбиралась в тригонометрии и астрономии, несколько хуже – в грамматике и стихосложении. Я умела вышивать воинские стяги и шнуровать кольчужные ремни. Я кое-что понимала в судопроизводстве и других государственных делах. Я должна была стать королевой, супругой короля. Меня готовили к этому много лет.

Глаза почти ничего не видят, но кожа еще чувствует сквозняк, ветер. Открытое окно. Медленно-медленно поворачивается голова. А вот и желто-красное солнце, заходящее за холмы. Холмы не видны, но королева знает, что они там. Желтое с красным, оторванная головка одуванчика, сбрызнутая кровью. Откуда кровь? Крови не было, был одуванчик на черных досках, усыпанных соломой. Желтое на черном. Я подняла цветок, я сделала все, как ты хотел. Ты доволен мной?

Пышнотелая Арманзель, руководившая охраной принцессы, повелительно взмахнула рукой и восемь лиловокожих носильщиков привычным движением опустили паланкин у края дороги, поодаль от проезжавших мимо тряских повозок с впряженными в них коренастыми пыльными осликами, и шегольских колясок знати, на передках которых молодые отпрыски старинных родов сами правили лошадьми. Купцы и пожилые консерваторы из дворян, держась старых традиций, по-прежнему предпочитали носилки.

Отодвинув тяжелую (чтоб не откинуло ветром) занавеску, Арманзель заглянула внутрь паланкина. Лицо ее было недовольным, на узком, присборенном озабоченными морщинами лбу блестели капельки пота.

– Что случилось, Ваше Высочество? – высоким, чуть визгливым голосом осведомилась она, и принцесса вспомнила, что в юности Арманзель была дворцовой прачкой, и даже теперь, поднявшись благодаря дядиной прихоти так высоко, никогда на людях не снимала перчаток – прятала изуродованные щелоком руки. – Зачем это вам понадобилось останавливаться в таком непотребном месте – трактир тут, постоялый двор, шваль всякая при развилке дорог шастает – самое место для Вашего Высочества! – Арманзель не скрывала своего возмущения.

Она так и не выучилась говорить языком знати и в присутствии искусных царедворцев в основном молчала, глухо презирая их за изнеженность и за то презрение, которое, как она полагала, они питали к ней. Но с принцессой, своей подопечной с детского возраста, бывшая прачка держалась свободно и, когда сердилась, в выражениях не стеснялась.

– Да, Арманзель, – это то самое место, которое мне нужно, – тихо, но твердо сказала принцесса, вытирая лоб кружевным платком и пользуясь случаем, чтобы выгнать наружу жирную навозную муху, каким-то образом пробравшуюся внутрь паланкина еще в дороге.

– Что за блажь, Альбина?! – заслышав непреклонность в голосе принцессы, Арманзель сбавила тон и полностью отбросила официальность.

– Ну, пожалуйста, Арманзель, – принцесса тоже сменила тактику и тон ее низкого мелодичного голоса сделался почти умоляющим. – Сделай мне подарок. Ты же знаешь – сегодня такой редкий случай. Наш ежегодный визит к гадалке накануне моего дня рождения считается чуть ли не тайной, хотя о нем и знает весь двор, вплоть до последнего подметальщика. Еще одна замшелая традиция, но она позволила мне хотя бы на сегодня избавиться от этих идиотских трубачей, от рева которых у меня потом весь вечер болит голова, и от копейщиков, и от...

– Короче, принцесса, чего вы хотите? – довольно невежливо Арманзель вклинилась в неторопливый говор принцессы, легко догадавшись, что подопечная просто заговаривает ей зубы. – Учтите, что ни на какие нарушения этикета я не пойду. На каждом постоялом дворе найдутся глаза и уши, которые увидят и услышат. А дядюшка ваш потом голову мне снимет...

– Арманзель, милая, я как раз об этом тебя и прошу. Устрой так, чтобы не было никакого нарушения этикета. Только ты это можешь. Ты же такая умная...

– Да чего вы хотите-то?! – круглое лицо Арманзель скривилось в недовольной гримасе. Она прекрасно понимала, что уже наполовину сдалась, не выяснив толком, в чем дело. Уже не в первый раз принцессе удавалось вот так запросто обвести ее вокруг пальца. Как так получалось? Очень неглупая от природы, Арманзель все больше подозревала, что юная принцесса чертовски умна.

– Понимаешь, Арманзель, – принцесса еще сбавила тон, и голос ее был теперь едва слышен, заглушаемый к тому же шумом дороги. – Я просто хочу посмотреть, как они живут...

– Посмотреть... что? – Арманзель искренне изумилась и, схватившись за ребра паланкина, до половины всунулась внутрь, оставив на обозрение проезжающим свой обширный зад, обтянутый красной парчовой юбкой. От ее могучего тела шел такой жар, что Альбина невольно сползла с шелковой подушки и отодвинулась в угол.

– Я хочу посмотреть, как живут люди. Как они едят, пьют, разговаривают. Может быть, ругаются или дерутся. – Арманзель возмущенно дернула плечом, но промолчала. – Во дворце все как заводные куклы. Если я спрошу, никто ничего не расскажет, побоятся дядиного гнева. После того, как дядя сделал меня наследницей, все мои подружки, с которыми я в детстве играла, куда-то делись, и никто, даже ты, не говорит – куда. Я целый день одна или со служанками, которые рот открыть боятся, и к тому же постоянно меняются... Я хочу просто посмотреть, я давно ждала, сегодня такой удобный случай... Ну же, Арманзель, что в этом плохого?! – в конце голос Альбины сорвался, она отвернулась и резко вскинула вверх узкий подбородок.

«Чтобы слезы не вылились,» – догадалась Арманзель.

Она знала, что должна немедленно, сейчас же, не слушая больше принцессу, подать знак носильщикам, взобраться на носилки и во главе сопроводительного отряда отправиться во дворец. Так и только так должна поступить настоящая придворная дама, верная и достойная королевского доверия наперсница наследницы престола.

Но бывшая прачка Арманзель медлила. Она вспомнила себя накануне семнадцатилетия. Влажная духота прачечной, распухшие от щелока руки, огромные луженые тазы. Глухой бой дворцовых часов. Подняв от корыта мокрое лицо, она считает удары... Летний вечер над маленькой зловонной городской речушкой, луна, запутавшаяся в корявых ветвях старой яблони. Она сидит прямо на траве, вытянув гудящие после долгого рабочего дня ноги, и дворцовый поваренок Яан угощает ее обкрошившимся с краев бисквитом, который они кусают по очереди, заедая незрелыми, кислыми до судорог в скулах яблоками. Луна медленно скрывается за облаком и также медленно Яан обнимает ее. Она опускает голову ему на грудь и чувствует сладкий запах ванили, которым насквозь пропиталась его рубаха...

– Тысяча чертей! – Арманзель встряхнулась, качнув паланкин, за ребра которого по-прежнему держалась. – Принцесса, вы совсем мне голову задурили! На что вы собираетесь смотреть? И как? Из-за занавески? Да на здоровье, коли вам интересно! Я сейчас отойду...

– Нет, нет, Арманзель! – снова зашептала Альбина. – Я хочу туда, внутрь, в трактир...

Не находя слов, Арманзель так мощно замахала руками, что внутри паланкина поднялся ветер и кружевной платок принцессы отлетел в сторону, прилепившись к стене на бархат обивки.

– Вот, у меня есть одежда, – откуда-то из-под подушки Альбина достала неприметный сверток. – Я у женщины, которая свечи зажигает, купила. За сережки. Сказала, что хочу родных повеселить. Здесь все есть. Настоящее. Я примеряла. Мы с ней одного роста. Ты стражникам скажи, что мне дурно стало, хочу посидеть, отдохнуть. Дай им монет, пусть в трактир пойдут, выпьют. Скажи, что носильщики рядом будут, и ты сама. Они уйдут, я выйду тихонько, побуду там немного – и назад. Ну, Арманзель, ну пожалуйста, ну, честное слово, ничего со мной не случится...

Арманзель потрясла головой, отгоняя морок, однако взглянула на принцессу с невольным уважением – вот ведь, пигалица пигалицей, а как все ловко придумала...

– Бросьте и думать, принцесса! – решительно сказала она.

– Ах так! – серые глаза принцессы остро блеснули в полумраке. – Тогда я сегодня же скажу дяде, что гадалка открыла мне, будто возле меня притаился враг и, уж поверь, сделаю так, что он сразу поймет, что этот враг – ты!

Пот на лице Арманзель мгновенно стал обжигающе ледяным.

– За что же, Ваше Высочество?! – придушенно прошептала женщина. – Я же королевскую волю выполняю...

– Пока ты со мной – приказываю я! – отрезала Альбина и, почувствовав, что сопротивление сломлено, добавила. – Задержи занавеску, я переодеваюсь!

Когда последний спешившийся всадник скрылся в дверях трактира, чтобы промочить горло за здоровье так кстати занемогшей принцессы, из-за занавески, пугливо оглянувшись по сторонам, торопливо выскользнула высокая тоненькая девушка в длинной юбке из грубой коричневой шерсти и белой кофте с продетым в горловину витым красным шнурком. Неровно сделанные большие кисти, которыми оканчивался шнурок, свисали почти до пояса и составляли единственное украшение наряда. Голову девушки покрывал чистый белый платок, из-под которого упрямо выбивались несколько каштановых завитков. От посторонних глаз девушку целиком закрывала широкая фигура Арманзель.

– Ваше Высочество! – умоляюще прошептала она. – Помните, Вы обещали! Заглянете и сразу – назад. Ну что вам пользы в моей смерти! Ну поставят на мое место какую-нибудь сушеную дуру...

– Ладно, не ной! – также шепотом оборвала ее девушка. – Как обещала, так и сделаю. Пусти!

Толкнув тяжелую, разбухшую дверь, Альбина на мгновение задержалась на пороге. Она понимала, что этого нельзя делать ни в коем случае, если она не хочет обратить на себя внимание посетителей трактира, но запах, ударивший по ее чувствительным ноздрям, был так силен, что она с трудом удержалась от того, чтобы тут же не выбежать обратно. Сначала ей показалось, что этот отвратительный тяжелый запах идет от еды, стоявшей на столах в грубых глиняных тарелках и крутобоких приземистых горшках, исходивших паром.

Справившись с собой, принцесса перешагнула порог, отошла чуть вправо от двери и скрылась в тени огромной рыбацкой сети, зачем-то прибитой на стену и складками свисавшей от потолка до самого пола. В углу стоял разлапистый чугунный якорь, а еще на одной стене скалилась хищной улыбкой жирная русалка, грубо намалеванная прямо на досках.

Вспомнив название трактира – «У старого капитана» – Альбина вынуждена была признать, что все эти странные вещи служат, по всей видимости, для украшения помещения.

До сих пор она задерживала дыхание, но поскольку не дышать совсем человек не может, принцесса собралась с духом и еще раз втянула в себя воздух трактира. И тут же ее тонкий, уже адаптировавшийся нюх подсказал ей: еда в дымящихся горшках пахнет вовсе не противно. Одновременно, невольно вздрогнув всем телом, принцесса догадалась – воняют сами люди. Несмотря на годы, проведенные в Фьёберрене, ее жизненный опыт был слишком невелик, чтобы подобрать определение этому запаху. Нездоровье – единственное слово, которое скользнуло по поверхности сознания. Невольно она вспомнила, что придворные принимают ванну три раза в день – утром, по окончании послеобеденного отдыха и вечером.

«Интересно, сколько раз в месяц моются эти люди?» – подумала Альбина, но тут с удивлением заметила, что уже вполне может дышать, что тошнота отхлынула от горла и отчетливо ощутимый теперь пряный запах еды кажется дразнящим и аппетитным.

«Ага! – сообразила принцесса. – Значит, к этому привыкают, и они сами, может быть, даже не знают про этот запах...»

Несколько раз глубоко вздохнув и восстановив сбившееся дыхание, Альбина с любопытством огляделась.

Низкое, хотя и обширное помещение с дощатым полом и таким же потолком казалось слегка плывущим в клубах сине-серого дыма. Курили только мужчины, ни одной курящей женщины Альбина не заметила.

Во дворце тоже курили. У нее у самой в спальне стоял серебряный кальян в форме дракона с глазами из зеленой бирюзы, доставшийся ей в наследство от бабушки. Она им никогда не пользовалась, но знала, что некоторые придворные по вечерам, в одиночестве любят провести время, потягивая сладкий, ароматный дым... Но чтобы вот так, за едой, за разговором, пуская дым в лицо друг другу...

Три низких запыленных окошка давали совсем мало света и над обшарпанной стойкой трактирщика горели две масляные лампы. В углах царил полумрак, и даже остроглазая Альбина с трудом различала лица людей, сидящих за столами. У стены узкая лестница уходила наверх, на второй этаж, к нависавшему над стойкой балкону, тянувшемуся вдоль всего помещения. Перила на нем в двух местах были сломаны, так, как будто кто-то рухнул вниз, на стойку, вместе с частью загородки. Вдоль балкона чернели закрытые двери. Видимо, там располагались комнаты, предоставляемые гостям, решившим заночевать в трактире.

– Эй, красотка, поди-ка сюда! – низкий голос произносил слова так невнятно, что Альбина не сразу опознала фразу как членораздельную человеческую речь. В повторении уже не было первоначального животного добродушия:

– Поди сюда, я сказал! Ты новенькая, что ли? Шевелись побыстрей! А не то я научу тебя, как надо обслуживать гостей! Мы все вместе научим. Ха-ха-ха!

Альбина испугалась и растерялась. Ладони стали мокрыми и холодными, а за ушами что-то противно отяжелело и появилась тупая боль, словно кто-то приложил туда пиявок. Страх принцессы не был страхом за свою жизнь или честь. Альбина была далеко не глупа и, в общем-то, не подвержена панике. К тому же она знала, что ей, в сущности, ничего не угрожает. Стоит только погромче крикнуть: «Стража принцессы, ко мне!» – и дерзкие негодяи будут уничтожены. Но как же живут здесь другие девушки, которые не путешествуют в сопровождении стражи?

К тому же закричать – значило выдать рискнувшую ради нее Арманзель. И вовсе не жалость, а трезвый расчет руководили Альбиной, когда она, продолжая молчать, отступала все дальше к стене, погружаясь в пыльную жесткую глубину висящей на стене сети. Тонкие пальцы изо всех сил впились в грубые веревки ячеек, словно стремясь разорвать их. Мозг принцессы напряженно работал. Если я закричу, сохранить всю историю в тайне не удастся. Слишком много действующих лиц и слишком много шпионов. Все случившееся наверняка дойдет до дяди. Что бы я ни плела ему в оправдание – он не поверит. Меня ждет выговор (Альбина поехала, вспомнив могильный холод огромного дядиного кабинета, который, казалось, круглый год поддерживался только для того, чтобы не растаяли голубые льдинки безжалостных королевских глаз, скрытых под тяжелыми набрякшими веками). А Арманзель... Арманзель ждет ссыла в горную деревню. И это в лучшем случае... На место Арманзель тут же назначат другую. Страшно даже подумать, какова она будет – дядя не повторяет своих ошибок... Нет, кричать и звать на помощь нельзя ни в коем случае. Может быть, убежать? Но они попросту схватят меня. Надо попробовать все уладить. Как-то же выходят из таких ситуаций обычные девушки, за которую они меня принимают! А может быть, обычные девушки в такие ситуации как раз и не попадают?

– Послушайте, добрые люди, оставьте меня, пожалуйста, в покое! – обратилась Альбина к подступавшим к ней образинам. – Я здесь случайно, никому не мешаю и никого не трогаю. Вернитесь, пожалуйста, за стол и продолжайте трапезу.

Лицо кособорванца перекосила неопиcуемая гримаса. Он протянул узкую кисть с тонкими волосатыми пальцами и попытался коснуться выбившейся из-под платка волнистой пряди. Альбина отшатнулась в неспривторном ужасе. Второй оборванец, лицо которого пересекал уродливый шрам, заколыхался всем телом и хрипло, словно с трудом проталкивая звуки через глотку, повторил последние слова Альбины:

– П-про-дол-жите тр-рап-пезу!

В его устах эти обычные слова стали неузнаваемыми, и принцесса содрогнулась от их чужеродности. Теперь, когда к ней тянулись хищные руки, она была уже совершенно не уверена в своих силах и готова закричать. Еще двое мужчин, глядя в сторону начинающейся потехи, поднялись со своих мест.

– Стража принцессы, ко мне! – срывающимся голосом крикнула Альбина, решив про себя, что в самом печальном случае она сумеет спрятать Арманзель от дядиного гнева.

Дикий хохот от ближайших столов был ей ответом. Косой оборванец отвратительно кривлялся перед ней:

– Не извольте беспокоиться, ваша светлость. Сейчас прибежит стража, недоразумение разъяснится, и мы все продолж-жим тр-рапезу, как сказал мой достойный друг...

– Смелая девка, – прорычал угрюмый гигант с соседнего стола. – Откуда ее сюда занесло?

– Какая разница! – возразил его сосед. – Дорога рядом – кто будет спрашивать: откуда пришел? Приятно будет с ней позабавиться – вот что важно!

На несколько секунд Альбина оцепенела, от страха лишившись способности думать. Потом страшная правда проникла в мозг: стражники пошли пить в другой трактир, расположенный напротив этого, через дорогу! Она-то выскочила с другой стороны паланкина! И вбежала в ближайшую дверь. И теперь здесь, в этом трактире она совершенно одна. Хозяева трактира ее не знают, принимают за обычную бродяжку, и, разумеется, не станут вступаться. Весь собравшийся здесь сброд рад потехе, и не упустит возможности продлить ее. Что же делать?!

– Ну, красotka, садись к нам за стол, подождем стражников вместе! – человек со шрамом схватил Альбину за руку чуть повыше локтя. – Выпьешь немного и тебе сразу полегчает!

Альбина отбросила от себя страх, напрягла мышцы и приготовилась драться. Когда доходит до драки, все может быть оружием – так учил ее Стерх. Значит, скамейки, кружки, горшки... Противников много, но они, скорее всего, будут мешать, а не помогать друг другу. Хорошо бы набросить на них сеть...

Спустя мгновение в харчевне что-то изменилось и, еще ничего не увидев, Альбина почувствовала это.

– Отпустите девушку!

Голос был ровный, но очень сильный, и шел откуда-то сверху. Человек не кричал, а именно говорил, но голос его легко перекрыл многоголосый шум харчевни, и каждое из двух слов прозвучало так отчетливо, словно было произнесено в полной тишине. Альбина подняла глаза и на галерее, на фоне распахнувшейся вовнутрь двери одной из комнат, увидела человека. Он казался высоким и был одет по-дорожному. Высокие запыленные сапоги, поношенный синий плащ с лиловой оторочкой, скрепленный на плече тяжелой тусклой брошью. Шляпы незнакомец не носил и темные кудри – полумрак не позволял рассмотреть их оттенка – свободно падали на лоб и широкие плечи. Крупные руки лежали на перилах балкона, и в пальцах одной из них что-то желтело. Альбине показалось, что это необычно большой перстень. На вид мужчине можно было дать лет тридцать с небольшим, и Альбина, привычно задержав взгляд на одежде (при дворе по одежде о человеке можно узнать почти все), не успела ничего подумать о его лице, когда снова прозвучал голос:

– Ничего не бойся, Альбина, никто здесь тебя не тронет... А теперь уходи. Приключение закончилось. Иди с миром, девочка! – он взмахнул рукой и точным движением бросил ей то, что она приняла за необычный перстень. Желтый огонек оказался обыкновенным цветком одуванчика, который упал к ее ногам. Машинально девушка наклонилась и подняла цветок, выпутав его из соломы, устилавшей пол.

Словно куклы на веревочках умелого кукловода, слаженно качнулись назад косой и его собутыльник со шрамом. Увидев путь свободным, Альбина, не думая больше ни о чем, быстро метнулась к двери. На пороге она задержалась на мгновение и, обернувшись, бросила прощальный взгляд на вступившегося за нее мужчину. И в тот же миг узнала его. Это был он – черно-волосый незнакомец из ее детских и юношеских грез. Это он приезжал к воротам Фьёберрена на вороном коне и приплывал на крутобоком корабле из глубин ледяного океана. Сначала отец, а потом... Но этого же не может быть! Альбина прижала руку ко рту, и с силой впиалась зубами в мякоть ладони, сдерживая рвущийся наружу крик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.